

орнаментом и миниатюрами, на которых легкие, исполненные благородного изящества фигуры евангелистов вставлены в великолепное арочное обрамление, а обычный для миниатюр золотой фон заменен тонким орнаментом, образующим ковровый узор. А. Н. Свирин в своем исследовании древнерусской миниатюры, отмечая художественную ценность интересующего нас Евангелия, ставит его миниатюры в один ряд с миниатюрами таких известных евангелий, как Евангелие Феодосия (сына Дионисия) 1507 г. и Бирева 1531 г. Миниатюры этих трех евангелий он рассматривает как отражение дионисиевской традиции в области русской книжной миниатюры первой половины XVI в.¹⁴ (рис. 2). Несомненно, что факт дарения Василием III такого ценного Евангелия старцу, не являвшемуся руководителем монастыря, свидетельствует о большом уважении к нему со стороны великого князя, уважении, возникшем не вдруг и не случайно.

Возвращаясь к событиям 1483—1484 гг. в монастыре, отметим, что связывать их с борьбой вокруг вопроса о судьбе монастырской вотчины, как это делает Н. К. Никольский, у нас также нет особых оснований: возврат Гурием Тушиным Ивану III пожалованных им монастырю деревень в Вологодском уезде мог быть вызван как отрицательным отношением Гурия к расширению монастырской вотчины, так и простым хозяйственным расчетом — вместо отдаленных деревень монастырю было выгоднее получать хлебный оброк.

Нам кажется, что в объяснении причин смут в монастыре ближе всего к истине Иосиф Волоцкий, рассматривающий их как результат столкновения иноков — ревнителей «преданий» Кирилла Белозерского с игуменами, отступавшими от этих «преданий», причем отступления заключались, как это явствует из рассказа Иосифа, главным образом в нарушении внутреннего распорядка: игумены, вызвавшие недовольство старцев, «в церкви на сборном пении и на трапезе, егда ядыху, любляше беседы творити и ненужная глаголати».¹⁵ Неполадки в монастыре попытался использовать удельный князь верейский для усиления в нем своего влияния. Насколько это ему удалось, мы не знаем. Но рассматривать Гурия Тушина как креатуру удельного князя у нас, повторяем, нет никаких оснований.

Игуменство Гурия Тушина продолжалось недолго — всего девять месяцев,¹⁶ но до конца своей жизни он не оставлял Кирилло-Белозерский монастырь, где и умер 8 июля 1526 г., на восьмом десятке лет,¹⁷ окруженный всеобщим уважением. Об уважении и влиянии, которыми пользовался Гурий Тушин в монастыре, свидетельствуют записи в одном кирилло-белозерском сборнике о смерти не только самого Гурия и его сестры, но и его учеников — старцев Симеона, Герасима, Филофея.¹⁸

В истории Кирилло-Белозерского монастыря Гурий Тушин должен быть отмечен прежде всего как неутомимый труженик пера, как один из

¹⁴ А. Н. Свирин, Древнерусская миниатюра, М., 1950, стр. 78—91.

¹⁵ ВМЧ, сент. 1—13, стр. 551.

¹⁶ Списки кирилловских игуменов см. в прим. 9.

¹⁷ Гурию Тушину шел 71-й год, когда он закончил свою 37-ю книгу, датируемую 1523—1526 гг. (см. прим. 42). Дата смерти Тушина указана в сборнике № 1451 Софийского собрания (см. следующее примечание).

¹⁸ В настоящее время этот сборник находится в составе Софийского собрания под № 1451. На обороте л. 190 следующие записи: «В лето 7040, апреля 2, в Кирилове монастыре преставися старец Симеон Спашьской, ученик Гурья Тушина... В лето 7034, июля в 8, на память святого великомученика Прокопия преставися старец Гурей Тушин, с субботы на неделю в 3 часа нощи, и погребен быть того же дни в 3 часа дни... В лето 7034, июля 20, преставися Герасим, Гурьев ученик...». На л. 262 запись: «Лето 7045-го, месяца октября 31, преставися старец Филофей, Гурьев ученик Тушина, во вторник вечер».